Ставер Годинович (3)

Во городи-то было как во Киёви
Ай у ласкова у князя да у Владимера
Заводилсэ у князя да нынь почестен пир
Ай на всех-де князей, бояров толстоборюхиих,
А на русскиих могучиих бога́тырей,
Да на всю-де поляни́цу да преудалою.
Уж как все ле на пиру стали хмельнёшоньки,
Ай и все-де на пиру стали веселёшоньки,
Ай и все-де на пиру да ле приросхвастали:
Уж как умной-то ле хвастал да отцом-матерью,
А безумной-от ле хвастал да молодой жоной,
А богатой-от ле хвастал да золотой казной,
А как бедной-от ле хвастал да всё цветны́м платьём.
Только один-де сидит не пьёт, не кушаёт,
Белой лебеди у князя-то всё не рушаёт.
Тут Владимер-князь по гридни да запохаживал,
Желтымы-ти кудрями да запотряхивал,
Ай и белыма руками да заповаживал,
Сам словечино, сударь, да ле выговаривал:
«Уж вы гой еси, князья-ти да всё бояра-ти,
Ай и русския могучии бога́тыри,
Ай и вся-де поляница да преудалая!
Ай и все вы на пиру стали хмельнёшоньки,
Ай и все-де на честном стали веселёшоньки,
Да и все вы на честном дак приросхвастались,
Только один-от сидит нечем не хвастаёт,
Он не пьёт-де, моей лебеди не рушаёт.
Али нечем Ставру теперь похвастати?»
Отвечал-де Ставёр дак таковы слова:
«Уж ты ґой еси, Владимер да стольно-киёвской!
Уж похвастать бы мне ныньче да отцом-матерью —
Отец с матерью давно уже в сырой земли;
А похвастать ле мне дак золотой казной —
Золота казна у меня ныньче не тощитсе,
Малы денежки мои дак всё не дёржатце;

Ай похвастать ле-ка мне, дак добру молодцу,
Молодой-де женой Василисой Никуличной!
Уж как она бы здесь всех вас дак продала-купила бы,
А тебя-де, Владимера, с ума свела!»
Ой как Владимеру то слово да не слюбилосе.
Говорил-де он дак таково́ слово́:
«Уж как чем-де Ставёр дак ныньче хвастаёт!
Уж князей, бояр-де здесь да бы повыкупила,
А меня-де, князя Владимера, с ума свела!
Ах вы гой еси, мои да ле слуги верныя!
Вы возьмите-ко Ставра дак за белы руки
Да сведите его в погреба глубокия,
Ай призадерьните чугунною решоточкой,
Да засыпьте-ко вы его жолты́м песком!»
Ай свели его ле слуги в погреба глубокия,
Призадёрнули решоточкой чугунноей
Да засыпали его да ле нынь жолты́м песком.
Перепали тут-то весточки нехорошия
Молодой жоны Василисы да дочь Никуличной,
Что любимой муж поса́жен в погреба глубокия
Уж как солнышком Владимером-князем-то ле.
И говорит тогда она дак таково слово:
«Мне Ставра-та ле выкупать — будёт не выкупить,
Ай боём-то ле Ставра будёт не выручить,
Уж могу ли я догадочкой да женскоей
Ой повыручить Ставра сына Годинова».
Ай говорит она тогда дак своим нянюшкам:
«Уж вы гой еси, мои да ле мамы да нянюшки!
Вы срубите-ко мои ныньче косоньки
Да снимите с меня-де платьё женскоё,
Принесите-ко вы мне-то платьё молодецкоё,
Уж нарежусь я удалым да добрым молодцом —
Не узнал бы-де меня да ле солнышко Владимер-князь».
Тут подбегали к ней ея служанки-нянюшки,
Отрубали у ней да русы косоньки,
Ай снимали они платьё с ней женскоё,
Приносили-де ей дак платьё мужскоё.
Снаредиласе Василиса в платьё да мужскоё,
Говорит опять она дак своим нянюшкам:

«Вы сходите-ко тепере да на конюшон двор,
Да повыберите ле вы коня мне лучшего».
И пошли тогда-де няни да на конюшон двор,
Приводили-де ей коня богатырскаго.
Ай седлали коня ныньче седёлышком,
И садиласе Василиса да дочь Никулична,
Назвала себя послом-то той земли другой,
От того-де собаки да царя Ка́лина.
И брала с собой ещё дак тридцеть молодцов,
Тридцеть молодцов брала всех их стрелять из туга́ лука́.
А ещё с собой брала других тридцеть молодцов,
Тридцеть молодцов брала она всех тых борцов.
И садилися они все на добры́х коней,
И поехали они дак как во Киёв-град.
В ето времечко Владимер да стольно-киёвской
Наредил он своих дак добрых молодцов
Уж как съездить-де им дак во Черьнигов-град,
Описать-де имущество да Ставра Годинова,
Молоду жену его дак привезти в Киёв-град.
Ай на пути-то-де было да во дорожоньки,
Повстречалисе-де тут дак как посланники,
Повстречались посланники, поздоровкались.
Уж как стал-де спрашивать посол от Киёва:
«Вы откуда-де едите, куда путь дёржите?» —
«Мы как едём от собаки да Калина́-царя,
Ай как едём мы ко стольному ко Киёву
Уж Владимеру-де солнышку взять дани-невыплаты
За двенадцеть лет, за каждой год по три тысячи.
А вы откуда едите, добры молодцы,
А куда же ныньче вы дак всё путь держите?» —
«Уж мы едём из города из Киёва,
Уж от ласкова-та князя да от Владимера,
Уж мы едём ныньче дак во Черьнигов-град
Ко тому-де Ставру сыну Годинову,
Опечатать Ставра ныньче его-де дом,
Молоду жену Василису да дочь Никуличну
Увезти с собой во Киев да ко Владимеру».
Ой говорит тогда посол от собаки царя Калина:
«Мы теперече ведь были у Ставра Годинова,

Молода его жона уехала да к собаки Калину».
Тогда князя-та Владимера посол-то ле
Призадумалсэ, сам говорит дак таковó слово́:
«Уж уехала Ставрова да молода жона,
Мы поедём лучше обратно да во стольной Киёв-град».
И поехали они дак в стольной Киёв-град.
Приезжали-де они дак в стольной Киев-град,
Говорят сами князю дак ныньче солнышку:
«Ай Ставрова-та жена уехала в чужу стольню сторону,
Ко тому-де собаки да царю Калину.
Уж ты гой еси, Владимер да стольно-т-киёвской,
Ай как едёт грозён посол к тебе ныньче,
Он как хочет от тебя взять дани-невыплаты
За двенадцеть лет, за каждой год по три тысячи».
Тут Владимер-князь повесил да буйну голову,
Очи ясные отупил дак во кирпищат пол,
Ай сам задумалсэ Владимер-то печалиною.
«Уж вы гой еси, мои ныньче слуги верныя!
Вы повычистите во Киёвы все улицы,
Да поставте-ко по переулочкам бочки-сороковочки,
Бочки-сороковочки поставте да с зеленым вином».
Ай тут во чистóм поле Василиса да дочь Никулична
Оставляёт свою она дружинушку:
«Я поеду одна дак в стольной Киёв-град,
И есле случи́тце со мной дак всё несчастьицо —
Приезжайте-ко вы ко мне да выручите!»
И поехала одна дак в стольной Киёв-град,
Да заезжала она дак в княженецкий двор,
Соскочила она дак со добра коня,
Заходила сама-де князю да солнышку,
А и крест-то кладёт дак по-учёному,
Ай поклоны-ти ведёт дак по-писанному,
На все стороны она дак поклоняетсе,
Князю солнышку с княгинёй да во особицу:
«Уж ты здравствуёшь, Владимер да стольно-киёвской!
Я приехал к тебе от собаки царя Ка́лина,
Я грозён посол приехал за дани-невыплаты,
За двенадцеть лет, за каждой год по три тысячи».
Говорит тогда Владимер да таково слово:

«Уж ты гой еси, грозён посол от собаки царя Калина...»
Говорит-де-ка грозён посол Владимеру:
«Уж ты гой еси, Владимер да стольно-киёвской!
А у тя-де есь племянница дочь Забава Путятична,
Уж я, грозён посол-де, ныне да нежонат живу.
Уж отдай-ко-се в замужество свою племянницу,
То не возьму я с тебя дани-невыплаты».
Говорит ему-де солнышко таково́ слово́:
«Я пойду-де к племяннице, попроведаю».
Выводил он Забаву во втору све́тлицу:
«Ах ты гой еси, Забава да дочь Путятична,
Ты пойдёшь ле-де взамуж да за грозна́ посла?»
Говорит ему ответ да ле таково́ слово́:
«Уж ты гой еси, любимой ты ле дядюшка!
Не отдай-ко ты де́вицу за женщину,
Не наделай-ко ты смеху по всему по Киёву!»
Говорит опять Владимер да таково слово:
«Я пойду-де посла дак попроведаю:
Если женщина, то не пойдет дак стрелять из туга́ лука́».
Выходил тогда Владимер да ко грозну послу.
«Ах ты гой еси, ты грозён посол ты ле!
Не угодно ле тебе пострелять из туга́ лука́?»
Говорит ему ответ-от как грозён посол:
«У меня-де стрелки́ дак во чыстом поле,
Во чыстом поле мои да все оставлены.
Да разве самому-де мне-ка дак пострелять будёт».
И выбирал тогда Владимер своих-то стрелков,
Выходили стрелки с ним во чисто полё,
Ай стрелять стали стрелки дак из туга́ лука́ —
Ах от ихной стрельбы дак дуб шатаитце.
Ай грозён посол натягивал калену́ стрелу,
И стреляёт грозён посол во сы́рой дуб —
Оты той стрелы весь дуб-от он разбил-расшиб.
Тут Владимер-князь и плюнул да на сыру́ землю́:
«Ах как моя-та племянница-де неразумная:
Называёт она молодца-де женщиной!»
Говорит опять она своёму дядюшки:
«А не быть же мужчины, да быть всё женщины.
Даже в руках-то у ней пальцы по-женскому,

А на лавочке сидит — да всё колени жмёт!»
Говорит опять Владимер таково слово:
«Еcле женщина, не пойдёт она боротися.
Уж ты гой еси, грозён посол от Ка́лина!
Уж не хочетце ле тебе дак поборотися?»
Отвечаёт Владимеру грозён посол:
«Ай борцы-ти у мня всё во чисто́м поли.
Ай самому разве-де мне дак поборотися?»
Выбирал тогда Владимер-от своих борцов,
Выходили они да ле вон на улицу.
Как грозён посол трёх взял дак во праву́ руку́,
Ай других от взял-де трёх дак во леву́ руку́,
Размахнул-де борцов, дак вместях зма́хнул их —
Ай и все-де борцы на землю́ попадали,
Наокорачь-де на земли да все поползали.
Уж тут плюнул князь Владимер да на сыру́ землю́:
«Уж ты глупая, Забава, да неразумная,
Екого молодца называет да она женщиной!»
Не пошёл больше Владимер да ей ныньче спрашивать,
Уж и стал он отдавать свою племянницу
За того-де грозна посла собаки Ка́лина.
Уж как пир-от идёт у их навесели,
Ай и все-де на пиру стали хмельнёшеньки,
Ай и все-де на честном стали веселёшоньки,
Ай и все-де на пиру да ле приросхвастались.
Ой сидит только посол не ест, не кушаёт,
Белой лебеди у князя да он не рушаёт.
Ой говорит тогда Владимер да стольно-киёвской:
«Уж ты гой еси, грозён посол собаки царя Ка́лина!
Уже что же ты повесил буйну голову?»
Отвечает Владимеру грозён посол:
«Уж как что жо-то ле мне да всё невесело —
Аль то ле помер, видно, у мня отец или матушка?
Уж ты гой еси, Владимер да стольно-киёвской!
У тя нету ле у тебя да всё гусельщыки,
Не звеселят ле они да меня, молодца?»
Приводили тогда да всё гусельщыков,
Ай играют гусельщыки всё невесело.
Говорит опять и князю да ныньче солнышку:

«Ай и нету ля у тя дак затюремщыков,
Ой затюремщыков у тя нет ле гусельщыков?»
Тут задумалсэ Владимер стольно-киёвской:
«Уж я выпущу Ставра, дак не видать Ставра,
Ай не выпущу Ставра, дак разгневить посла!»
Ой да не смел-де разгневить посла-то Владимер-князь,
Выпускал-де он Ставра Годинова,
Ай пришёл тогда Ставёр-от да сын Годиновиць.
Уж говорит опять грозён посол Ставру Годинову:
«Уж ты здравствуёшь, Ставёр дак сын Годиновиць!
Ты сыграй-ко-се во гусёлушки яровчаты».
Тут заиграл-де Ставёр дак во гусёлушки,
Звеселил он посла грозна от собаки Ка́лина.
Говорит тогда посол князь Владимеру:
«Уж ты гой еси, Владимер да стольно-киёвской!
Мне не надо твою ныньче племянницу,
Уж ты только отдай мне Ставра сына Годинова!»
Тут задумалсэ Владимер да стольно-киёвской:
«Как не отдать Ставра мне-ка, дак разгневить посла,
А отдать Ставра, так мне да ле не видать Ставра».
Да он о́тдал-де Ставра да ле с руки да на руки.
Тут они вышли из гридни да вон на улицу,
И садилися они дак на добры́х коней,
И поехали они дак во чысто полё.
Говорит ему посол дак таково́ слово́:
«Уж ты гой еси, Ставёр да сын Годиновиць!
Не узнал, видно, меня, дак молоду жону,
Василису ты меня да всё дочь Никуличну.
У нас прежде с тобой дак пригожалосе:
У тебя-де оно было да позолочено,
А у мня-то-де ныньче да посеребрено».
Говорит тогда Ставёр да ле сын Годиновиць:
«Уж ты гой еси, моя дак молода жона!
Не узнал я тебя, дак дочь Никуличну». —
«Ах ты гой еси, Ставёр дак сын Годиновиць!
Ты за что же посажо́н был в погребах глубокиих?» —
«Я за то-де был посажо́н в погреба глубокия —
Я посхвастал тобой, дак молодой жоной:
Ты князей-де, бояр продашь да выкупишь,

Самого ты князя дак с ума сведёшь». —
«Уж ты гой еси, Ставёр дак сын Годиновиць,
Нам не чесь будёт хвала дак молодецкая
Уехать от князя да ныньче солнышка,
Мы поедём-ко обратно да к князю солнышку
А и будем мы-де ныньче да свадьбу доигривать».
И приехали опять дак в стольной Киёв-град,
Заходили во гридню да во светлую.
«Уж ты здравствуёшь, Владимер да стольной-киёвской!
Я, грозён посол, приехал да свадьбу доигривать,
Ты отдашь ле за меня свою племянницу?»
Со стыда тогда князь склонил буйну голову,
Утопил он свои очи в кирпищат пол,
Говорил-де он сам дак таковó словó:
«Уж ты гой еси, Ставёр дак сын Годиновиць!
Ты умел-де похвастать да молодой жоной,
Ты князей-де, бояр всех нынь повыкупил,
А меня-де, князя, теперь с ума ты свёл».
(Конец.)

(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от Лагеева Василия Игнатьевича, 69 лет, и его жены Кирилловой Евдокии Ниловны, 64 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.